

ФРАНЧЕСКА ЗАМБЕЛЛО:

Приобрела бесценный опыт

Впервые мы встретились с Франческой ЗАМБЕЛЛО 12 лет тому назад в Сизтле, где проходил фестиваль искусств в рамках Игр доброй воли. Она поставила на сцене местной оперы "Войну и мир" С. Прокофьева с участием российских певцов. И после этого многократно работала с нашими исполнителями — М. Касрашвили, В. Черновым, В. Маториным и другими на сценах театров разных стран, очевидно, совершенно не предполагая, что когда-нибудь ее фантазия получит доступ и на саму русскую сцену. Как известно, это случилось. Репертуар Большого театра пополнился весьма впечатляющей "Турандот" в постановке Замбелло, что и послужило поводом для нашей новой встречи.

Ф. Замбелло

— Что-либо осталось в вашей памяти с 90-го года, когда вы впервые столкнулись в работе с россиянами?

— Безусловно, и это прекрасные воспоминания. Особенно запомнился один очень эмоциональный эпизод. Во время репетиций "Войны и мира" стало известно, что Ленинграду вернули его первоначальное имя. Среди русских членов нашей "команды" был великолепный бас Николай Охотников. Когда он услышал эту новость, заплакал, и мы долго не могли его успокоить. Это было очень трогательно. В тот момент он олицетворял для меня саму душу России.

— Вы избрали себе очень редкую и, простите за банальность, неженскую профессию. Чем вас прельстила оперная режиссура?

— Кто сказал, что у мужчины воображение богаче, чем у женщины? Опера — это полотно, на котором можно изобразить не только реальность. Или, точнее, преобразованную реальность со всеми ее захватывающими ирреальными чертами. Музыка способна выразить метафору лучше, чем любые слова.

— Вы ставили "Князя Игоря", "Бориса Годунова", "Евгения Онегина", "Пиковую даму", "Хованщину"... Чем так привлекает вас именно русская опера?

— В первую очередь, музыкой. Но не только: у многих русских опер есть политическая составляющая. Даже если произведение само по себе "не об этом", политика все равно угадывается в метафоре. Для меня это немаловажно, в наше время искусство далеко не всегда имеет связь с миром, в котором пребывает. Я же убеждена, что искусство должно быть соотнесено с жизнью, должно двигаться и меняться вместе с ней.

Русская музыка по своей насыщенности и страстности мне всегда напоминала итальянскую. Даже русская душа, хотя, возможно, в этом и есть некое преувеличение, по-моему, сродни итальянской.

— В одном из интервью вы заметили, что репертуарный театр вам представляется "одной большой семьей". Вы только что работали внутри такой "семьи". Каково это было? Каков, на ваш взгляд, творческий потенциал этой семьи?

— Насколько я понимаю, Большой театр сегодня заново определяет себя в контексте русской культуры. У него новое руководство в лице г-д

Иксанова и Ведерникова. Когда приходят новые люди, всегда происходят изменения. Кому-то это нравится, а кому-то — нет. Это нормально. Ведь Большой — это огромный организм. Чтобы оставаться живым и здоровым, ему нужна свежая кровь. Если искусство пребывает в покое, апатии, оно становится скучным и неинтересным. Я считаю, что мне необычайно повезло — я тоже оказалась причастной к переменам в Большом.

— Вы упоминали, что со временем ваш взгляд на уже поставленные вами оперы меняется, и, возвращаясь к ним, вы ставите их совсем иначе. "Турандот" в Большом, третья ваша "Турандот" не стала исключением?

— Любый шедевр, когда художник за него берется, всякий раз требует нового прочтения, другой интерпретации, иного визуального воплощения. В этот раз я была больше всего захвачена процессом познания принцессой Турандот самой себя. Это стало доминантой спектакля. В более широком плане меня интересовал и "провоцировал" тоталитаризм правительства, созданного китайской принцессой и ее отцом императором Альтоумом. Падение этого режима как бы символизирует крушение прежней личности и самой Турандот — безжалостной и беспощадной. Я полностью отдавала себе отчет в том, что еду ставить спектакль в главный театр страны, познавшей за свою историю не одно тоталитарное руководство (по крайней мере, с нашей точки зрения), и не могла оставаться к этому равнодушной.

— Считается, что премьера — лишь первый шаг на пути к совершенствованию спектакля. Ваше мнение?

— Пожалуй, это более точно для театра драматического: там часто меняются акценты, музыка слов. Опера продолжает расти и развиваться по-иному. В ней многое зафиксировано изначально: партитура (вы не можете менять музыку), время действия и т.д. Зато в опере меняются исполнители. Это делает ее интересной и привлекательной для зрителей: каждый состав рождает и приносит что-то новое, что-то свое.

— Вы впервые работали в Большом театре, но в Россию приезжали неоднократно. Ваши нынешние впечатления?

— Вижу, что страна серьезно изменилась. По-моему, процентов на 80 — к лучшему, но на 20 — к худшему. Это мое личное мнение. Находясь здесь, учусь работать в совершенно ином культурном пространстве. Я обычно работаю повсюду — в Японии, Австралии, Европе и Америке. Но Россия во все времена была страной уникальной, не похожей ни на какую другую. Сейчас я ее понимаю лучше. Чувствую невероятную энергетику вашей столицы, проникаюсь ею. Бесконечно рада, что оказалась именно в Москве, которую считаю сердцем страны, а Большой — самым важным театром. Работа в нем была для меня опытом бесценным.

Беседу вела
Елизавета ШТАЙГЕР
Фото ИТАР-ТАСС

Курьезная история — 2008 — 26 лет — 2 окт. — 2010